

Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В. С. Коробков

М. Г. Николаев,

главный эксперт Департамента внешних и общественных связей Банка России

О Гаврииле Витальевиче Коробкове (1919–1976), главном тренере сборной СССР по легкой атлетике (1954–1968), под руководством которого советские спортсмены добились впечатляющих успехов на олимпийских играх и мировых первенствах, можно легко найти сведения в различных справочно-энциклопедических изданиях (включая электронные), а также почерпнуть их из его опубликованных воспоминаний «Записки легкоатлета» (1971). О его младшем брате Анатолии Витальевиче (1924–1981), враче-физиологе, докторе медицинских наук, известно гораздо меньше. А справочно-биографическая информация об их отце – **Виталии Славовиче Коробкове** (1887–1952) и

В. С. Коробков.
Фотография из семейного
архива А. Л. Чичерова

вовсе отсутствует. Между тем в силу специфики своих профессиональных обязанностей он был известен первым лицам, управлявшим страной в 1920–1930 гг. Его деятельность на различных постах в Госбанке СССР оставила заметный след, и было бы несправедливым, если бы в исторической летописи Банка России ему не нашлось места, а имя его и дальше оставалось бы в забвении.

Сегодня мы можем восстановить лишь некоторые фрагменты его биографии. В. С. Коробков родился в г. Мстиславле Смоленской губернии 6 января 1887 г. Родители, занимавшиеся мелкорозничной торговлей, в 1911 г. переехали на постоянное место жительства в Палестину, куда раньше эмигрировала часть семьи, в которой воспитывались еще три сестры и брат¹.

По окончании городского училища с наградой I степени (1894–1899) и 5-й Одесской гимназии с золотой медалью (1902–1906) он поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Окончив его в 1910 г. и представив научную работу, получил ученую степень кандидата экономических наук. В 1911–1917 В. С. Коробков работал конторщиком, затем – инспектором-инструктором Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка.

После Февральской революции 1917 г. принимал участие в организации профсоюза служащих кредитных учреждений. В мае 1917 г. В. С. Коробков выступил на профсоюзном съезде с докладом о задачах созданной общественной организации. В этот период он стал членом и Петроградского городского совета профсоюзов. После принятия советским правительством 14 декабря 1917 г. Декрета о национализации частных банков В. С. Коробков активно участвовал в забастовке банковских служащих. К весне 1918 г. сопротивление бастующих было сломлено. В. С. Коробков продолжал работать в профсоюзных организациях. В 1918–1920 гг. он состоял членом ЦК профсоюза финансовых и кредитных служащих. На Всероссийском съезде профсоюзов был избран членом Ревизионной комиссии ВЦСПС. В 1918 г. изменилось его семейное положение. Его супруга – Вера Константиновна Полетаева, 1897 года рождения – происходила (согласно одному мемуарному источнику) из мелкопоместных дворян Московской губернии, до 1914 г. училась в Москве, а в период Февральской революции учительствовала в Воронежской губернии.

В 1920 г. В. С. Коробков перешел на работу в Наркомат продовольствия в должности заведующего эксплуатацией технико-заготовительного аппарата. С февраля 1919 г. членом Коллегии Наркомпрода состоял А. Л. Шейнман, будущий глава возрожденного в 1921 г. Государственного банка. Не исключено, что именно знакомство с ним и привело к последующему переходу В. С. Коробкова на работу в здание по Неглинному проезду, 12.

В 1921–1922 гг. В. С. Коробков – секретарь Правления Государственного банка РСФСР, секретарь Главконцесскома, член Правления Банка потребительской кооперации. Экономическое положение страны оставалось чрезвычайно напряженным. Осознание близящейся финансовой катастрофы побуждало власти искать способ реформирования денежного хозяйства. Циркуляр Народного комиссариата финансов СССР (НКФ) руководителям финансовых органов от 22 августа 1921 г. отразил наметившийся отход от «военно-коммунистических» принципов в области финансовой политики. В нем констатировалось: «Без устойчивой валютной единицы делается невозможным ни хозяйственный учет, ни хозяйственный расчет целесообразности и выгоды того или иного мероприятия, и стабилизация денежной единицы является той основной целью, под углом зрения коей перестраивается в настоящее время вся финансовая политика»². Возрождение Госбанка дало новый импульс начавшейся работе по поиску путей оздоровления денежного хозяйства.

Вопрос о проведении денежной реформы уже стоял на повестке дня, однако ее параметры еще не были определены.

Различные варианты обсуждались в ходе дискуссий, в которых принимали участие руководящие работники НКФ и Госбанка, ученые, специалисты-практики.

Одним из самых обсуждаемых стало предложение о введении параллельного обращения двух валют, соотношение между которыми должно было определяться рыночными условиями. Впервые его высказал в октябре 1921 г. В. В. Тарновский, который еще весной–летом того же года предлагал идею двойной валюты³. Не все, даже из тех, кто впоследствии ее приняли (Г. Я. Сокольников, Н. Н. Кутлер и др.), отнеслись к этой идее с сочувствием. Одним из поддерживавших В. В. Тарновского был В. С. Коробков. Написанные им в декабре 1921 г. тезисы о направлении кредитной политики обсуждались в Правлении Госбанка 26 февраля 1922 г. (протокол № 58). Доклад В. С. Коробкова лег в основу его статьи «К вопросу о реформе нашего денежного обращения», опубликованной в «Экономической жизни» 1 марта 1922 г. Она сопровождалась редакционным примечанием: печатается как дискуссионная. «В прессе, – утверждают авторы предисловия к сборнику документов о денежной реформе 1922–1924 гг., – это была первая статья по обсуждаемому вопросу»⁴.

В тезисах В. С. Коробкова, в частности, говорилось: «Обесценивающаяся советская бумажная валюта не может являться базой для продуктивного кредитования. Опираясь этой валютой, Госбанк неизбежно сам становится фактором, стимулирующим эмиссию и спекуляцию, а следовательно, дезорганизующим денежное обращение. Наличное же покрытие кредитов в советской валюте, предоставляемых банком реальными обязательствами клиентуры и ценностями, которыми располагает Госбанк, ввиду того, что выдаваемая Госбанком валюта тонет в общей Государственной кассе обесцениваемой валюты, отрывается от валюты и теряет свое оздоравливающее на денежное обращение влияние. Из слепого орудия обесценивающейся валюты Госбанк должен превратиться в фактор, оздоравливающий денежное обращение, содействующий стабилизации курса рубля»⁵.

Хотя составители упомянутого документального сборника и утверждают, что «в итоге, ближе всех к окончательному варианту реформирования оказалась точка зрения Тарновского–Коробкова», одновременно они справедливо полагают, что создание «червонца» – плод коллективных усилий многих специалистов⁶. В известной книге Л. Н. Юровского⁷, где автор перечисляет основных участников дискуссий, предшествовавших решению вопроса о предоставлении Госбанку права выпуска банковских билетов, имя В. С. Коробкова отсутствует. Однако это не повод для того, чтобы на этом основании проигнорировать его вклад в коллективный труд по подготовке реформы.

Новый этап биографии В. С. Коробкова связан с работой в Российском коммерческом банке, преобразованном в марте 1924 г. в Банк для внешней торговли СССР. Председателем Правления, а после преобразования – заместителем председателя Правления Внешторгбанка был не кто иной, как В. В. Тарновский. Банк обслуживал операции Народного комиссариата внешней торговли. Однако по доле в общем объеме внешнеторговых операций – 75,4 млн руб. (на 1 октября 1925 г.) Внешторгбанк заметно уступал Госбанку – 227,8 млн руб.⁸ С 1922-го по 1925 г. В. С. Коробков занимал в банке должность директора на правах члена Правления.

Летом 1924 г. по предложению американских банков в качестве представителя Внешторгбанка В. С. Коробков выехал в США для переговоров. В своем первом письме от 3 ноября 1924 г. он передал содержание вопросов, которые под-

нимали его американские партнеры на встречах: «А кто несет ответственность за Ваш банк? А что будет, если он обанкротится?... Что с червонцем? А что будете экспортировать?.. А есть ли у Вас частные вклады?». В письме от 7 ноября 1924 г. он сообщил о первых успехах – согласии «Чейз банка» на открытие экспортных кредитов в русских портах в размере 60–80% средней стоимости товаров при получении телеграфных сообщений от Внешторгбанка об отправке товаров. Помимо этого «Чейз банк» становился главным агентом Внешторгбанка по переводным операциям в СССР⁹. В конце ноября В. С. Коробков договорился о кредитовании американского импорта – поставок в СССР фирмой Г. Форда по соглашению с «Амторгом» партии тракторов. Это соглашение сам В. С. Коробков оценивал как «прорыв блокады на фронте импорта». В декабре были подписаны соглашения еще с двумя американскими банками – «Эквитабл трастом» и «Гаранти трастом». Первый из них выразил готовность открыть кредит на сумму в 1 млн золотых рублей (500 тыс. дол.). Была достигнута «большая принципиальная победа», как выразился наш переговорщик в письме в Правление Внешторгбанка от 8 декабря 1924 года¹⁰.

Во второй половине 1920-х годов В. С. Коробков продолжал регулярно выезжать в командировки в США, где вел переговоры уже как представитель Госбанка СССР. Остановимся лишь на двух весьма любопытных эпизодах этой деятельности. Первый из них был связан с так называемой золотой операцией 1928 года.

Известно, что для расчетов за поставки импортной техники СССР ввез в США партию золота стоимостью 5 млн дол. Это был первый подобный опыт, ибо расчеты золотом с American Relief Administration в период разразившегося голода в Поволжье в 1921 г. не должны были составить прецедент, что было специально в свое время оговорено американской стороной. Узнав об этой операции, Банк де Франс в марте 1928 г. предъявил претензии, добиваясь ареста золота в целях дальнейшего получения его в качестве компенсации за депонированные в России в 1916 г. для поддержания курса русского рубля 52 млн франков. Не дожидаясь окончания судебного разбирательства, советская сторона с согласия двух американских банков, где было депонировано советское золото, вывезло его обратно. И хотя сделки с американскими фирмами подлежали отмене, но и иск Банка Франции, поддержанный французским правительством, был признан необоснованным. Предъявленные позже претензии американским банкам («Чейзу» и «Эквитабл») также оказались не в пользу истца. Вся эта кампания получила отражение в советской прессе, приветствовавшей решение американского суда¹¹. Золото пришлось эвакуировать в спешном порядке, в том числе и по причине опасения предъявления аналогичного иска со стороны Румынии.

Для его вывоза был зафрахтован пароход «Дрезден», первый из тех, что отплывал в Европу (Германию), и уже в период

В. С. Коробков. 1920-е гг. США. Фотография из семейного архива А. Л. Чичерова

его нахождения в пути выяснилось, что он должен был зайти во французский порт Шербург, что грозило новыми, более серьезными осложнениями. Были предприняты срочные меры, чтобы избежать возможного задержания. В результате золото успели перегрузить. Причем американские банки согласились радировать свои распоряжения капитану парохода о неимении с их стороны препятствий к перегрузке. Эту позицию они заняли несмотря на то, что являлись банками-корреспондентами «Банк де Франс» и хранили у себя его депозиты. В результате вывезенное золото было депонировано в Рейсхбанк. Еще одна любопытная деталь: согласно уверениям В. С. Коробкова, он в целях предосторожности просил Москву о присылке золота с «несоветским клеймом». Такое золото и было отправлено в Германию, но в силу несвоевременно полученных нашим представителем директив продано в Берлине. В США же было отправлено золото с советским клеймом¹².

Вторая история связана с проблемой установления отношений с крупнейшим американским банком National City Bank, что было самым тесным образом связано с дипломатическим признанием США Советского Союза. Для В. С. Коробкова эта история стала роковой, круто изменившей всю его судьбу.

Поскольку переговоры по финансовым вопросам неизбежно затрагивали межгосударственные отношения, следует коснуться предыстории вопроса, вернувшись к началу 1920-х годов.

Необходимость восстановления народного хозяйства, разрушенного в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции, смена внешнеполитического курса, связанного с переходом к НЭПу и крушением планов на медленную мировую революцию, побудили советское правительство налаживать дипломатические и экономические связи с влиятельными зарубежными партнерами.

20 марта 1921 г. ВЦИК обратился к конгрессу и президенту США с предложением установить торговые отношения, однако оно не было поддержано¹³. В течение 1922 г. делались попытки установить контакты между Советской Россией и США, при этом неофициальные переговоры с теми или иными лицами велись с санкции Политбюро¹⁴. В его решении от 8 марта 1923 г. было дано согласие на приезд в СССР делегации американских сенаторов и конгрессменов¹⁵. Сразу после высказывания президентом США К. Кулиджем в декабре 1923 г. мысли о возможности установления дипломатических отношений с Советской Россией нарком иностранных дел Г. В. Чичерин направил ему телеграмму, в которой, в частности, выражал готовность и к обсуждению вопроса о денежных претензиях¹⁶.

Однако вскоре, 18 декабря 1923 г., госсекретарь США Ч. Юз выступил в сенате с категорическим заявлением, отвергающим идею переговоров до выполнения трех предварительных условий, состоящих из признания СССР дореволюционных долгов, удовлетворения американских владельцев национализированного имущества и прекращения пропаганды против американского правительства¹⁷. Эти требования были положены в основу политической линии, которую в дальнейшем проводило правительство США по отношению к Советской России.

16 июля 1925 г. Политбюро признало необходимым вести более активную политику для подготовки американского общественного мнения «к развитию экономических и политических отношений с СССР». На этой основе были подготовлены директивы о развертывании соответствующей кампании в советской прессе¹⁸. Одновременно с признани-

ем Политбюро 4 марта 1926 г. несвоевременности официального обращения к американскому правительству по вопросу о переговорах летом того же года советская сторона попыталась прозондировать почву для налаживания двусторонних отношений. Однако попытка направить в США с этой целью (помимо поручений по заключению конкретных хозяйственных сделок) пользующегося известностью за рубежом Г. Я. Сокольникова – заместителя председателя Госплана – закончилась провалом. Во въездной визе ему было отказано. Во второй половине 1926 г. поиски возможностей получения кредитов в США продолжились по линии НКТорга, с привлечением к переговорам представителя Госбанка¹⁹.

К этому времени советская сторона уже имела представление о финансовой составляющей предмета переговоров. Справка НКВД «о возможных претензиях правительства и граждан США к СССР» в приложении письма М. М. Литвинова И. В. Сталину (февраль 1926 г.) содержит цифру от 772 до 901 млн дол.²⁰ Согласно справке наркома финансов Н. П. Брюханова, подготовленной для ЦК ВКП(б) 6 июля 1926 г., в основе которой лежали данные National City Bank, претензии США к СССР выражались суммой 800 млн дол., не считая процентных начислений. Та же цифра называлась и в справке, подготовленной видным деятелем республиканской партии США Дж. Гудричем (фигурировавшей в приложении письма М. М. Литвинова)²¹. По альтернативным предварительным оценкам Валютного управления НКФ СССР, эта цифра составляла 567 049 458 дол. (из них претензии National City Bank – 14, 2 млн)²². В условиях сложно складывающихся межгосударственных отношений в сентябре 1927 г. в Париже состоялись переговоры советской делегации (Г. Я. Сокольников, Х. Г. Раковский и Г. Л. Пятаков) с влиятельным американским банкиром Ч. Митчеллом²³, возглавлявшим National City Bank. Известно, что в дореволюционной России действовало два иностранных банка – «Лионский кредит» и National City Bank²⁴. По утверждению Г. Я. Сокольникова, последний никогда не был национализирован, после национализации других банков продолжал функционировать. Значительно позже его руководители уехали из России, и его петроградское отделение превратилось в бесхозное имущество²⁵.

Соглашение с этим самым крупным американским банком нарком иностранных дел Г. В. Чичерин считал ключевым для изменения финансовых отношений с США²⁶. Переговоры, в центре которых стояли вопросы о долгах и кредитах, не увенчались успехом²⁷. Г. Я. Сокольников в обоснование необходимости их возобновления продолжал настаивать, что «каждый рубль, уплаченный Америке за сепаратное соглашение, сэкономит нам в дальнейшем два рубля при соглашении с Европой»²⁸. Важность всей совокупности вопросов, связанных с взаимоотношениями с США, заставила Политбюро еще 1 сентября 1927 г. принять решение о создании специального органа для предварительного рассмотрения всех необходимых материалов – Американской комиссии (первоначально – «Постоянной комиссии Политбюро по техническим и научным связям с Америкой»)²⁹. В заседаниях комиссии, в частности, рассматривались и материалы для расчетов по дореволюционным обязательствам перед США, подготовка которых была вызвана ходом затянувшегося поиска подходов к возобновлению переговорного процесса.

В протоколе № 7 заседания Американской комиссии Политбюро от 6 января 1928 г. было записано: «Переговоры с крупными банками считать возможным начинать лишь при наличии предпосылок, делающих положительные результаты вероятными. Для этого необходим предварительный зон-

даж, особенно в смысле возможного получения кредитов и предоставления с нашей стороны необходимых жертв, если таковые могут быть оправданы»³⁰.

Идея о признании СССР долгов Керенского высказывалась в июне 1925 г. в докладной записке заведующего отделом дипломатической информации НКВД П. Л. Лапинского И. В. Сталину³¹. В отличие от стран Антанты, требовавших уплаты по царским займам, претензии США предъявлялись только в отношении займов «революционного» Временного правительства, хотя некоторые авторитетные советские юристы выражали сомнения в возможности отделить долги Временного правительства от царских долгов военного времени³².

В ходе переговоров с Ч. Митчеллом в Париже М. М. Литвинов в записке И. В. Сталину (19 сентября 1927 г.) предлагал без официального признания долгов и выпуска новых обязательств доплачивать по каждому учтенному американскими банками советскому векселю дополнительные проценты в счет погашения их претензий. Правда, это предложение не нашло поддержки у главы Госбанка СССР А. Л. Шейнмана³³.

Решением Американской комиссии Политбюро от 21 марта 1928 г. было признано, что «принципиальное различие между царскими долгами и долгами Временного правительства провести невозможно» и «возможное соглашение между Госбанком и американскими банками может создать прецедент для других стран»³⁴.

Такова была общая обстановка, когда в конце 1928 г. возник вопрос о поездке в США В. С. Коробкова. Его направление в командировку было утверждено решением Политбюро от 5 декабря 1928 г., принятым по предложению курирующего финансовую область заместителя председателя СНК СССР Я. Э. Рудзутака. По инициативе заместителя председателя Правления Госбанка СССР Г. Л. Пятакова директивы для поездки в США были оформлены в протоколе заседания Правления 28 декабря 1928 г. и касались широкого спектра вопросов³⁵. Однако ни Г. Л. Пятаков, ни утвердивший директивы Я. Э. Рудзук не вынесли их на рассмотрение Политбюро.

Между тем один из пунктов («В»), касающийся взаимоотношений с National City Bank, не исключал такого варианта, как погашение задолженности путем выплат повышенной процентной ставки «на базе проведения через аппарат этого банка ссудных, платиновых и других покрытых операций»³⁶. Позже выяснилось, что в записке заместителя наркомвнешторга Л. М. Хинчука, предварительно ознакомившегося с протоколом, было обращено внимание на необходимость выяснения возможности урегулирования финансовых отношений с США только в форме зондажа с последующим утверждением директив в Политбюро³⁷.

Находящийся в США А. Л. Шейнман в письме А. И. Рыкову 1 февраля 1929 г. писал о том, что он условился о начале переговоров с Ч. Митчеллом на базе директив, привезенных Коробковым. Ознакомленный с эти письмом Сталин напротив этого фрагмента сделал пометку «Что за директивы?»³⁸. Бдительность вождя придала делу скандальный оттенок. 7 февраля Политбюро приняло решение сообщить А. Л. Шейнману о сворачивании переговоров и ограничении зондажом. В телеграмме, посланной ему А. И. Рыковым, нецелесообразность переговоров обосновывалась отрицательным эффектом в случае недостижения соглашения³⁹. 13 февраля А. Л. Шейнман попросил А. И. Рыкова и Г. Л. Пятакова уточнить, какие из пунктов директив сохраняют свою силу. Глава Госбанка, очевидно, пытался не допустить разрыва переговоров, но в Москве уже усердно искали виновных в недосмотре за содержанием директив, увезенных В. С. Коробковым в США.

Г. Л. Пятаков, лавируя в попытке спасти наметившееся соглашение с Митчеллом, в письме А. И. Рыкову и И. В. Сталину от 20 февраля 1929 г. попросил назначить специальную авторитетную комиссию для выработки новых директив переговорщикам⁴⁰.

Однако Политбюро продолжало действовать в избранном «запретительном» направлении. 25 февраля оно отменило тот пункт госбанковских директив, который касался базы для переговоров с Митчеллом, а также поручило Н. И. Бухарину подробно проанализировать протокол Госбанка и всю связанную с ним историю. Последний, признавая «политическое значение» пункта госбанковских директив и тем самым косвенно – вину тех, кто этого не заметил, все же нашел возможным рекомендовать «в кратчайший срок выработать директиву о дальнейших переговорах с National City Bank»⁴¹. Позднее в постановлении Политбюро «О протоколе Госбанка» от 4 апреля ответственным за разрешение переговоров с Митчеллом без директивы Политбюро был признан Г. Л. Пятаков⁴².

7 марта в повестке дня заседания Политбюро вновь фигурировал вопрос о «Госбанке», причем вопрос представляется И. В. Сталиным. Решение – создать комиссию для рассмотрения важнейших финансово-экономических вопросов.

16 марта В. С. Коробков через Г. Л. Пятакова прислал предложение этой комиссии, в том числе и со схемой компенсации National City Bank. В ней фигурировал пункт о предоставлении Госбанку необеспеченного кредита и дополнительной компенсации по открываемым National City Bank Госбанку коммерческим кредитам⁴³. Однако комиссия своим решением от 20 марта обязывала указать А. Л. Шейнману и В. С. Коробкову на необходимость строгого выполнения директивы Политбюро о прекращении переговоров⁴⁴. В адрес А. Л. Шейнмана 21 марта была направлена телеграмма: «Коробков продолжает вести переговоры с известным Вам банком, несмотря на решение правительства о прекращении их. Предложите ему под страхом ответственности выполнять решение правительства...»⁴⁵.

Опубликованные документы дают основания предполагать, что со стороны переговорщиков, которым удалось далеко продвинуться в согласовании позиций с представителями National City Bank, имелась попытка возбудить вопрос о пересмотре решения Политбюро. Об этом косвенно свидетельствует формулировка решения Американской комиссии от 25 марта, подтверждающая указание о прекращении переговоров.

Но на этом дело не закончилось. 23 апреля в Москву для ведения переговоров по урегулированию вопроса о претензиях приехал директор National City Bank Шведтман. Очевидно, таким способом переговорщики с советской стороны все же хотели добиться достижения договоренности. В тот же день Г. Л. Пятаков, для которого цели визита стали полной неожиданностью, написал подробное объяснительное письмо Сталину. 24 апреля в телеграмме Г. Л. Пятакову вынужденных давать объяснения председателя правления «Амторга» С. Г. Брона⁴⁶ и В. С. Коробкова вина за произошедшее недоразумение была возложена на А. Л. Шейнмана, который к этому времени известил советские власти о решении не возвращаться в СССР⁴⁷. В тот же день Политбюро утвердило эту версию и признало необходимость объяснить причину недоразумения Шведтману. При этом главным предварительным условием возможных переговоров о претензиях National City Bank было выдвинуто установление дипломатических отношений между СССР и США и возможность произвести новые займы⁴⁸. Таким образом, перед представителями National City Bank окончательно захлопывалась дверь.

Понятно, что недовольство И. В. Сталина «своеволием» переговорщиков из Госбанка распространилось не только на А. Л. Шейнмана, но затронуло и В. С. Коробкова, что, скорее всего, и предопределило его участь⁴⁹. К тому же В. С. Коробков мог рассматриваться вождем как один из ближайших соратников главы Госбанка, который, находясь с ним рядом в последние дни перед принятием решения об отказе возвратиться в СССР, не сумел распознать в нем «предателя».

В первое время после возвращения В. С. Коробкова некоторые другие проекты банковского сотрудничества, которыми он занимался в США, продолжали обсуждаться на заседаниях Американской комиссии, о чем ее председатель А. И. Микоян докладывал Политбюро. Однако 11 июля 1929 г. один из таких проектов, связанный с предложением «Чейз секьюритис» об организации американской компании по финансированию советско-американской торговли, также был решительно отклонен решением этой высшей партийной инстанции⁵⁰.

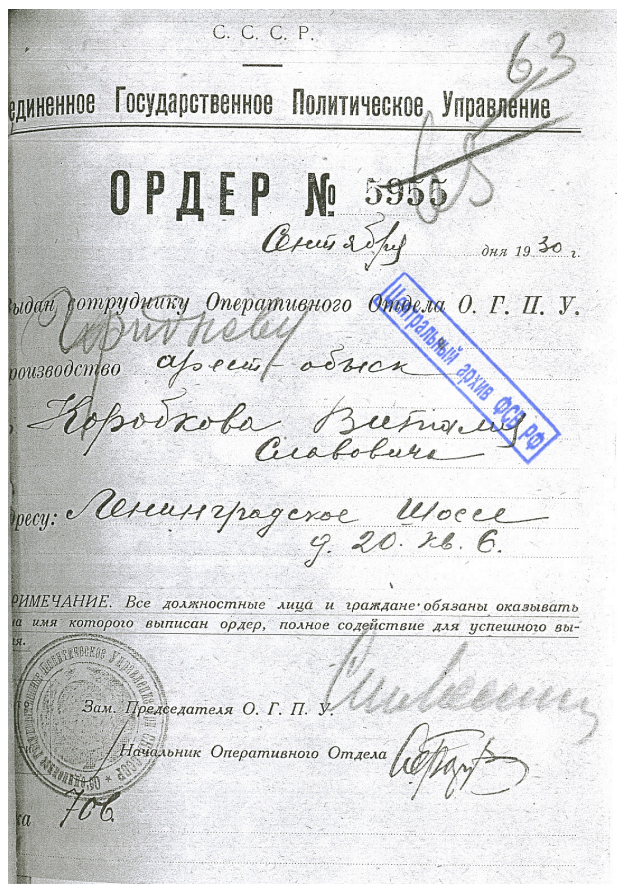
Начало финансово-экономического кризиса в США осенью 1929 г. не могло не вызвать соответствующей реакции советских ведомств, поспешивших предпринять попытки к тому, чтобы воспользоваться сложившейся конъюнктурой. Для разработки программы действий была создана специальная комиссия, о чем А. И. Микоян известил И. В. Сталина. В состав комиссии вошел и В. С. Коробков. Это свидетельствовало о том, что доверие к нему еще сохранялось.

Поворот в позиции советского руководства в отношении National City Bank произошел летом 1932 г. Не кто иной, как И. В. Сталин, в телеграмме Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову 11 июня 1932 г. сформулировал директивы для переговоров с его представителем. В них содержатся согласие на переговоры о займе, не дожидаясь официального признания СССР правительством США, и схема возмещения претензий банку в виде дополнительных 5% годовых, приплюсованных к 7%-ным выплатам по испрашиваемому новому займу (100 – 200 млн руб.)⁵¹. Эта схема, как мы видим, ничем принципиально не отличалась от той, которую в свое время предлагали А. Л. Шейнман и В. С. Коробков и которая по инициативе вождя была признана политически порочной. К этому времени В. С. Коробков уже отбывал свой срок заключения. И здесь мы подходим к новой вехе его биографии.

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. стал важным рубежом в истории послереволюционной России. Слом нэповской модели политического и социально-экономического развития, установление режима жесткой полицейско-бюрократической диктатуры сопровождалось массовыми репрессиями, направленными на целые классы и слои российского общества. Многочисленные кадровые «чистки» затронули самые разные органы власти и управления, наркоматы и ведомства, кооперативные, общественные и другие организации. Не обошли они стороной и Госбанк СССР. С апреля–мая 1928 г. стала раскручиваться кампания борьбы с «вредительством», пик которой пришелся на осень 1930-го – весну 1931 г., когда прошли открытые судебные процессы по делам «Промпартии» и «Союзного бюро» ЦК РСДРП(м). Цель организаторов – переложить ответственность за острейший социально-экономический и политический кризис на «буржуазных специалистов» и якобы стоящих за ними зарубежных вдохновителей–интервенционистов». По процессу «Союзного бюро» проходило 14 человек, из них двое – Б. М. Берлацкий и В. В. Шер – члены Правления Госбанка СССР (последний, хотя на момент ареста и работал уже в институте К. Маркса и Ф. Энгельса, фигурировал на процессе как бывший руководящий работник банка). Уже в опубликованном в

печати за два дня до начала процесса обвинительном заключении, содержавшем выдержки из показаний обвиняемых, упоминалась госбанковская меньшевистская ячейка⁵². Позже «вредительская организация Госбанка» в материалах процесса была представлена как одна из ячеек «Союзного бюро», причем наиболее крупная.

Возникновение дела о вредительстве в Госбанке было предопределено позицией первого лица государства. В написанном не ранее 6 августа 1930 г. письме В. М. Молотову И. В. Сталин, реагируя на кризисную ситуацию в денежном хозяйстве, констатировал: «Результаты борьбы с голодом разменной монеты почти что ничтожны... Видимо, покусали немного кассиров и успокоились. Дело не только в кассирах. Дело в Пятакове, в Брюханове и их окружении. И Пятаков, и Брюханов стояли за ввоз серебра. И Пятаков, и Брюханов проповедовали необходимость ввоза серебра и провели соответствующее решение... которое мы отвергли..., обругав их «хвостиками» финансовых вредителей. Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями НКФ руководил Юровский (а не Брюханов), а «политикой» Госбанка – вредительские элементы из аппарата Госбанка (а не Пятаков), вдохновляемые «правительством» Кондратьева–Громана. Дело, стало быть, в том, чтобы: а) основательно прочистить аппарат НКФ и Госбанка, *несмотря на вопли сомнительных коммунистов типа Брюханова – Пятакова, б) обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов* (курсив М. Н.), в том числе десяток кассиров всякого рода, в) продолжать по всему СССР операции ОГПУ по изоляции мелк[ой] монеты (серебряной)»⁵³.

Ордер на арест и обыск В. С. Коробкова.
Не позднее 17 сентября 1930 г. ЦА ФСБ

чений на Московско-Виндаевско-Рыбинской железной дороге. В 1920 г. – председатель Финансовой секции Петроградского отделения Института экономических исследований Народного комиссариата финансов РСФСР. В 1922 г. – товарищ управляющего Северо-Западной конторой Госбанка РСФСР. Принимал активное участие в разработке и проведении денежной реформы 1922–1924 гг. Автор идеи введения «параллельной» валюты. С декабря 1922 г. – председатель Правления Российского коммерческого банка, после преобразования которого в Банк для внешней торговли СССР в марте 1924 г. – заместитель председателя правления; позже – научный сотрудник Госплана СССР, член Правления Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства. В начале октября 1925 г. был избран Председателем Правления Строительного общества взаимного кредита. После краха общества предан суду, приговорен к шести месяцам принудительных работ. Освобожден ВЦИКом по амнистии к 10-летию Октябрьской революции. Работал в Главном управлении Государстберкасса, в отделе кредитной политики Наркомфина СССР. Последняя должность – помощник заведующего отделом кредитных учреждений и денежного обращения. 10 октября 1929 г. «вычищен по первой категории» комиссией по чистке и проверке аппарата Наркомфина СССР. Скончался у себя дома 19 марта 1954 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

⁴ Денежная реформа. С. 13, 242.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 1996. С. 208, 209.

⁸ История Внешэкономбанка. М., 1999. С. 41. Позже, как утверждают авторы книги, Внешторгбанк снизил свою деловую активность и «стал практически одним из подразделений Госбанка СССР».

⁹ История Внешэкономбанка. М., 1999. С. 44, 45.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Жирнов Е. Претензии Французского банка на русское золото были отклонены // Коммерсант. 2002. № 210 (2579). 20 ноября. Любопытные комментарии этой истории дает в своих дневниках И. И. Шитц: *Шитц И. И. Дневник «великого перелома»* (март 1928 – август 1931). Paris, 1991. С. 5, 6.

¹² ЦА ФСБ. Д. Р-27952. Т. 3. Л. 98 об. – 102. Несколько документов, связанных с этой операцией, в том числе письма советских ответственных работников в США Г. В. Чичерину и А. И. Микояну, опубликованы. См.: Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Сб. док. в 3-х тт. Т. 1: 1921–1928. М., 2009. С. 545–560 (далее – Москва – Вашингтон).

¹³ Москва – Вашингтон. Т. 1. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 71, 72, 77.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 8, 9.

¹⁷ Там же. С. 9, 460.

¹⁸ Там же. С. 181–187.

¹⁹ Там же. С. 251, 269, 276.

²⁰ Там же. С. 206.

²¹ Там же. С. 213.

²² Там же. С. 239, 240.

²³ Эдвин Чарльз Митчелл (1877–1955) – американский банкир. Родился в г. Челси, штат Массачусетс. Отец занимал в 1887–1888 г. должность мэра. По окончании колледжа работал в «Западной электрической компании» в Чикаго; в 1903 г. – помощник президента компании. Через три года переехал в Нью-Йорк, став помощником президента Trust Company of America. В 1911–1916 гг. возглавлял собственную инвестиционную компанию С. Е. Mitchell & Company. В 1916 г. – вице-президент National City Company; с 1921 г. избран президентом National City Bank, в 1929 г. назначен председателем. Под его руководством банк значительно расширил свою деятельность (к 1930 г. насчитывалось 100 отделений в 23 странах). На Митчелла в числе других возложили ответственность за крах на Нью-Йоркской фондовой бирже (1929 г.), положивший начало «Великой депрессии». В 1933 г. арестован и обвинен в уклонении от уплаты налогов. Оправдан по обвинениям в уголовном преступлении, но принужден к уплате 1 млн дол. Затем продолжил работать. Умер, оставив наследникам большое состояние. В особняке на 5-й авеню, построенном для него в 1926 г., располагается французское консульство.

²⁴ История Государственного банка СССР в документах. М., 1971. С. 35.

²⁵ Москва – Вашингтон. Т. 1. С. 436.

²⁶ Там же. С. 439.

²⁷ Там же. С. 11, 421, 442.

²⁸ Там же. С. 441.

²⁹ Там же. С. 391.

³⁰ Там же. С. 517.

³¹ Там же. С. 175.

³² Там же. С. 537, 538.

³³ Там же. С. 416, 417, 419–421.

³⁴ Там же. С. 542.

³⁵ Там же. С. 720–723.

³⁶ Там же. С. 723.

³⁷ Там же. С. 719, 720.

³⁸ Москва – Вашингтон. Т. 2. С. 19.

³⁹ Там же. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 27.

⁴¹ Там же. С. 31, 32.

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ Там же. С. 35, 36.

⁴⁴ В то же время предложения Ч. Митчелла и В. С. Коробкова комиссия была готова рассмотреть в изложении Г. Л. Пятакова. Там же. С. 40, 41.

⁴⁵ Генис В. Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009. С. 585.

⁴⁶ Брон Саул Григорьевич (1887–1938). Родился в Одессе; образование высшее; член ВКП(б). Директор-распорядитель «Экспортхлеба», затем – сотрудник НКВД СССР, председатель правления «Амторга». В 1930 г. – член коллегии НКВД; в 1933 г. – председатель Всесоюзной торговой палаты. Последняя должность перед арестом – заместитель заведующего ОГИЗом. Арестован 25 октября 1937 г. Приговорен Военной

коллегией Верховного суда СССР 21 апреля 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Место захоронения – Московская область, поселок Коммунарка. Реабилитирован в апреле 1956 года.

⁴⁷ Политический скандал, связанный с решением главы Госбанка СССР А. Л. Шейнмана остаться за границей, разразился в апреле 1929 г. после его приезда из США в Берлин. Фрагмент выступления А. И. Рыкова 20 апреля 1929 г. перед участниками Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) с информацией об этом был изъят из стенограммы по решению высшего партийного руководства. Состоялось срочное назначение на пост главы Госбанка СССР Г. Л. Пятакова. 24 апреля 1929 г. по предложению И. В. Сталина Политбюро создало специальную комиссию по делу А. Л. Шейнмана. Путем сложных переговоров была достигнута договоренность, согласно которой новоявленный «невозвращенец» обещал сохранять лояльность в обмен на отказ от попыток его преследования. Подробнее см.: Генис В. Л. Указ соч.

⁴⁸ Москва – Вашингтон. Т. 2. С. 52.

⁴⁹ Писательница Елена Ржевская, хорошо знавшая семью Коробковых, причину осуждения главы семьи связывает с «золотой операцией» 1928 г. Пересказывает ли она семейную легенду или сама делает этот вывод, исходя из услышанных историй, – неясно.

⁵⁰ Москва – Вашингтон. Т. 2. С. 98.

⁵¹ Там же. С. 490.

⁵² Известия. 1931. 27 февраля. С. 3.

⁵³ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 193, 194.

⁵⁴ Там же. С. 211, 212.

⁵⁵ Каценеленбаум Захарий Соломонович (Залман Шлиомович) (1885–1960) – экономист, специалист в области денежного обращения, профессор (1919). Окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета (1909). Примыкал к партии конституционных демократов (кадетов). С 1909 г. – бухгалтер Петербургского Международного банка; в 1911–1917 гг. – помощник директора товарного отдела Азовско-Донского коммерческого банка, одновременно – преподаватель Московского коммерческого института; с марта 1917 г. – на преподавательской работе в Московском университете. С октября 1921 г. – член Правления Госбанка РСФСР, активный участник проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Арестован 17 сентября 1930 г. Виновным себя не признал. Осужден на пять лет ИТЛ. Для отбытия наказания направлен в Вишлаг ОГПУ. После пересмотра приговора в декабре 1931 г. срок сокращен на один год. 2 сентября 1932 г. заключение в ИТЛ заменено высылкой на оставшийся срок в Западную Сибирь, куда он и был перенаправлен после снятия с этапа, следующего в Дальлаг. В 1933 г. переведен на работу в Москву (заместителем начальника финансового отдела Московского управления Дальстроя). В 1939–1946 гг. – профессор Института цветных металлов и золота, Всесоюзного за-

очного финансового института; с 1945 г. – сотрудник Научно-исследовательского финансового института (НИФИ) при НКФ СССР и профессор Московского финансового института. В период кампании борьбы с «космополитизмом» (1948 г.) уволен; с 1955 г. – профессор Московского государственного экономического института. Реабилитирован 3 октября 1957 года.

⁵⁶ *Блюм Артур Адамович* (1877–1938). Родился в Ельце Орловской губернии в семье чиновника-врача. Окончил юридический факультет Московского университета. Член РСДРП с 1900 г., работал в московской партийной организации. Арестован в марте 1901 г. и выслан в Курск, где примкнул к большевикам. В мае 1903 г. второй раз арестован и выслан в Олонецкую губернию на три года. В октябре–декабре 1905 г. – член лекторской и литературной групп, организатор Замоскворецкого района МК РСДРП(б). В 1906–1908 гг. – на лечении в Финляндии. В 1912–1914 гг. – член редакции большевистского журнала «Просвещение»; в 1917 г. – председатель Петроградского совета уполномоченных банковских служащих, член Петроградского Совета (фракция большевиков). В августе 1917 г. из-за несогласия по вопросу о захвате власти перешел к меньшевикам-интернационалистам («новожизненцам»). После октября 1917 г. выступал против забастовки банковских служащих. 29 октября 1917 г. от Центрального бюро объединенных социал-демократов интернационалистов принимал участие в созванном по инициативе Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профсоюза совещании по вопросу создания однородного социалистического правительства. Входил в состав ВЦИК II и III созывов. С начала 1920-х гг. до дня ареста – член Правления Госбанка СССР. Арестован 16 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Осужден на пять лет ИТЛ. 15 июня 1931 г. лишение свободы заменено высылкой на Урал. Вторично арестован 15 февраля 1938 г. и осужден 9 августа 1938 г. (по другим данным – 20 сентября 1938 г.) Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. От признаний вины, данных на следствии, в судебном заседании отказался. Реабилитирован 22 июня 1963 года.

⁵⁷ *Бельгард Сергей Константинович* (1891–1931) – потомок французских эмигрантов-роялистов, перешедших на российскую военную службу в конце XVIII в.; сын К. К. Бельгарда, штабс-капитана (1895), камергера, управляющего Аничковым дворцом. Двоюродный дядя – А. В. Бельгард (1861–1942) – камергер (1900), действительный статский советник (1904), гофмейстер (1909), сенатор (1912). Лифляндский вице-губернатор (1901–1902), Эстляндский губернатор (1902–1905), начальник Главного управления по делам печати (1903–1912), участник белого движения, эмигрант, автор воспоминаний (2009).

Родился в Санкт-Петербурге. Окончил Императорское училище правоведения. До декабря 1912 г. – управляющий делами

местного хозяйства Министерства внутренних дел. С декабря 1912 г. – на службе в Кредитной канцелярии Министерства финансов. Выезжал в длительные командировки за границу. В октябре 1917 г. принимал участие в забастовке госслужащих, в марте 1918 г. возобновил работу в Кредитной канцелярии, в конце 1918 г. назначен управляющим делами Главного комитета по ликвидации аннулированных госзаймов, в марте 1920 г. – представитель НКФина в заграничной делегации, возглавляемой Л. Б. Красинным. По возвращении в 1922 г. вновь командирован за границу – на Гаагскую мирную конференцию, эксперт по финансовым вопросам. Участвовал в работе англо-советской конференции в 1924 г. С осени 1922-го до июня 1929 г. состоял в должности помощника заведующего иностранным отделом (ИНО) Госбанка. С февраля 1926-го по март 1929 г. исполнял обязанности представителя Госбанка в Лондоне. На момент ареста – директор Правления Госбанка. Арестован в ночь с 22-го на 23 августа 1930 г. Виновным себя признал частично. Приговорен к расстрелу, расстрелян 29 апреля 1931 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище (Москва). Реабилитирован 10 октября 1961 года.

⁵⁸ *Лепешкин Василий Арсеньевич* (1878–1958). Родился в Орле в крестьянской семье. До шестого класса обучался в гимназии г. Ельца Орловской губ., окончил гимназию в Ревеле (1898). В 1899 г. был на год выслан в г. Ревель за участие в студенческой забастовке. В 1904 г. окончил математический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в Госбанк помощником делопроизводителя. В 1912 г. был переведен в московскую контору Госбанка, где работал старшим контролером, старшим бухгалтером. В 1915 г. переведен в Петроград в Отдел зернохранилищ. В 1916–1917 гг. – в Управлении государственными сберегательными кассами (при Совете Госбанка); с февраля 1917 г. – заведующий Инструкционным отделением; с ноября 1917-го до 1919 г. – в Народном банке (Москва). С 1919-го по 1921 г. – в НКФ СССР, работал консультантом, инструктором в Инструкторском отделе. С 1921 г. переведен в Госбанк, где служил до 1929 г. в должности помощника главного бухгалтера и главным бухгалтером. С декабря 1929 г. перешел на службу в НКЗ СССР. «Вычищен» комиссией по чистке госаппарата. Последнее место работы – Наркомзем (главный бухгалтер). Арестован 2 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Приговорен к пяти годам ИТЛ. Для отбытия наказания отправлен в КАЗЛАГ ОГПУ (г. Алма-Ата). 15 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи и конфискации имущества был отменен. Реабилитирован 10 апреля 1958 года.

⁵⁹ *Инжир Лев Ильич* (1892–1952). Родился в Одессе. Окончил коммерческое училище и Высшие экономические курсы. До 1917 г. работал в различных банковских и коммерческих учреждениях Одессы; после 1917 г. – в кооперативе «Товарищ» и Одесском губсовнархозе; с 1922-го по апрель

1929 г. – в Промбанке, последняя должность – главный бухгалтер. По выдвижению ЦК Союза совторгслужащих и Центрального бюро работников учета был направлен в Госбанк СССР на должность главного бухгалтера. Арестован 16 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Осужден на 10 лет ИТЛ. Для отбытия наказания направлен в Соловецкий лагерь ОГПУ. 28 июня 1931 г. судебное решение о высылке семьи отменено. Работал главным бухгалтером Центральной бухгалтерии Финансово-планового отдела ГУЛАГа (с 27 ноября 1936 г. по совместительству – главный бухгалтер Мосволгочаналстрой). Согласно воспоминаниям И. Бергера, выдвинулся на высшие финансовые должности в гулаговской системе, входя в группу специалистов, сменивших выдвинутых смещенного Г. Ягоды. После назначения главы НКВД Н. И. Ежова по совместительству наркомом водного транспорта принял его предложение встать в главе бухгалтерии этого наркомата и вскоре был арестован. 16 апреля 1939 г. военным трибуналом МВО приговорен к 15 годам ИТЛ (Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта 1956 г. дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления). В 1948 г. отбывал наказание в Норильлаге, Александровском центре. В начале 1950-х гг. переведен в лагерный пункт № 033 ОзерЛАГа МВД (г. Тайшет, Иркутской области). Арестован в лагере 4 февраля 1952 г. и 26 марта 1952 г. приговорен по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к пяти годам ИТЛ (реабилитирован 24 января 1958 г.). Умер в заключении. Реабилитирован по настоящему делу 22 июня 1963 года.

⁶⁰ *Виноградов Владимир Александрович* (1874–1934). Родился в Казани. Из семьи торгового служащего. Учился в гимназиях Казани и Омска. В 1897 г. окончил юридический факультет Московского университета. Работал в Московской конторе Государственного банка, в 1899–1900 гг. – в Государственном контроле помощником контролера на Сибирской железной дороге (Челябинск, Томск). С октября 1900 г. – помощник секретаря гражданского отделения Саратовского окружного суда; с 1901-го по 1903 г. – секретарь гражданского отделения Астраханского окружного суда, редактор-издатель газеты «Астраханский дневник», позже стал заниматься адвокатурой, был присяжным поверенным. Член партии кадетов с 1905-го по 1919 г., основатель ее астраханского отделения, на 8-м съезде партии (9–12 мая 1917 г.) избран в состав ЦК. Депутат Государственной думы от Астраханской губернии с 1907-го по 1917 г. Состоял членом комиссий: бюджетной, финансовой, по переселенческим делам, рыболовству. С 6 марта по 6 октября 1917 г. – комиссар (на правах товарища министра) в Министерстве путей сообщения, одновременно с 19 августа – председатель комитета по использованию водных сил. С октября 1917-го по февраль 1918 г. в Астрахани проводил избирательную кампанию по выборам в Учредительное собрание. 23 сентября 1918 г. на Уфимском Государственном совещании из-

бран в состав Директории в качестве заместителя кадета Н. И. Астрова. Из-за отсутствия последнего являлся фактически полноправным членом Директории. 4 ноября 1918 г. назначен заместителем председателя Временного Всероссийского правительства. После военного переворота, совершенного А. В. Колчаком 18 ноября 1918 г., отошел от активной политической деятельности. Работал заведующим финансовым отделом Сибирской конторы Центросоюза в Омске и Владивостоке (1919), с 1920 г. – управляющим ведомством иностранных дел Правительства Приморской областной Земуправы. В феврале 1923 г. арестован ГПУ Владивостока как бывший член Временного правительства и этапирован в Москву. Под арестом провел шесть месяцев. С сентября 1923-го по сентябрь 1924 г. – уполномоченный Правления Центросоюза. С ноября 1924-го по ноябрь 1926 г. – в Инспекции Правления Госбанка, работал заведующим кредитным отделом, консультантом; с апреля 1929 г. – консультант в различных учреждениях Москвы. С ноября 1930 г. – на временной работе в экономическом отделе Гипроверфи. В 1930 г. Краснопресненским народным судом приговорен к общественному порицанию за небрежное отношение к служебным обязанностям. Арестован 2 декабря 1930 г. Приговорен к пяти годам ИТЛ. 20 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи и конфискации имущества отменен. Реабилитирован 22 июня 1963 года.

⁶¹ *Гиндин Иосиф Фролович* (1900–1980). Родился в С.-Петербурге. Отец – торговец лесом. До 1915 г. проживал в Риге, позже – в Москве и с лета 1917 г. – в Петрограде. Учился на экономическом факультете Петроградского политехнического института (1920–1925). До октября 1928 г. работал в Промбанке, затем – в Госбанке СССР, консультант ПЭУ Правления Госбанка СССР. Арестован 16 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Приговорен к пяти годам заключения. Для отбытия наказания направлен в Севлаг ОГПУ (г. Сольвычегодск). 10 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи отменен. Для отбывания наказания отправлен в г. Сольвычегодск для направления на Ухту (Севлаг ОГПУ). В пересмотре дела (март 1932 г.) отказано. До 1947 г. – в системе НКВД/МВД. В 1947–1949 гг. преподавал в Московском финансовом институте. В 1950–1956 гг. работал в НИИ Министерства нефтяной промышленности СССР, с 1956 г. – в Институте

истории (с 1968 г. – истории СССР) АН СССР. Кандидат экономических наук (1946), доктор исторических наук (1960); автор трудов по проблемам социально-экономической жизни России второй половины XIX – начала XX в.; среди них: «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы)». М., 1960. Реабилитирован 3 октября 1957 года.

⁶² *Горништейн Абрам Яковлевич* (1881–?). Родился в Одессе в семье мелкого служащего. Окончил шестиклассное городское училище. Организовывал кружки самообразования для рабочих, принимал участие в работе первых организаций РСДРП в Одессе. В конце 1909 г. кооптирован в 1-й городской партийный комитет. В 1900 г. арестован. После двухлетнего тюремного заключения приговорен к четырем годам ссылки в Сибирь. В 1901 г. совершил побег за границу. В январе 1905 г. нелегально вернулся в Россию для революционной работы, состоял членом партийных комитетов в Харькове, Ростове-на-Дону, Одессе. В Одессе по обвинению в руководстве военной организацией РСДРП(м) Военно-окружным судом был осужден в 1906 г. на восемь лет каторжных работ. С 1913 г. – на поселении в Иркутской губернии и г. Иркутске. Состоял членом редакций всех газет социал-демократического направления. После поражения А. В. Колчака занимался разборкой архива Министерства иностранных дел, работал заведующим Финототделом Иркутской конторы Центросоюза и Земгора; находясь в 1921 г. в Чите по поручению конторы, вошел в состав коалиционного правительства Забайкалья. Позже поступил в частную контору. От политической деятельности отошел, опубликовал в 1922 г. заявление в печати. В 1923 г. поступил в Дальбанк. С декабря 1924-го до апреля 1929 г. работал в Госбанке СССР. С 1 августа 1930 г. до момента ареста – заведующий финансово-плановым отделом Московской конторы Акционерного сахарного общества. Арестован 2 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Приговорен к пяти годам ИТЛ. Для отбытия наказания отправлен в КАЗЛАГ ОГПУ (г. Алма-Ата). 10 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и высылки семьи отменен. Вторично осужден 3 октября 1941 г. ОСО при НКВД к пяти годам ИТЛ. Реабилитирован 22 июня 1963 года.

⁶³ *Лурье Евгений Соломонович* (1887–1954). Родился в г. Витебске в семье торговца. Получил высшее экономическое и

юридическое образование. В 1911–1914 гг. занимался литературной работой. В 1915–1917 гг. – заведующий продовольственным отделом Смоленской губернской земской управы. В 1917–1918 гг. работал в Московском Народном банке; в 1919–1921 гг. – в Продпути; в 1922 г. – член Правления Покобанка; с 1923-го по 1926 г. – в Лыноторге. С 1926 г. – член Правления Внешторгбанка; в 1929–1930 гг. – заместитель директора ПЭО Госбанка СССР. Перед арестом – в МСНХ, преподаватель социально-экономических курсов. Арестован 16 декабря 1930 г. Виновным себя не признал. Приговорен к пяти годам ИТЛ. Для отбытия наказания направлен в Севлаг ОГПУ (г. Сольвычегодск). Освобожден в июне 1934 г. До декабря 1945 г. работал в финансовых органах на стройках системы НКВД, позже – системы Наркомугля и Министерства угольной промышленности, в 1954 г. – начальником финансового отдела треста «Карагандапромжилстрой». Реабилитирован 3 октября 1957 года.

⁶⁴ *Кутлер Павел Павлович* (1898–1950) – банковский служащий. Сын П. П. Кутлера, последнего директора Департамента Казначейства Министерства финансов Российской империи, племянник Н. Н. Кутлера – Главноуправляющего земледелием и землеустройством в правительственном кабинете С. Ю. Витте, члена ЦК партии кадетов, депутата Госдумы, члена Правления Госбанка РСФСР (СССР). Из дворян. Родился в селе Троицкое-Бачурино Чернского уезда Тульской губернии. В 1918 г. окончил гимназию К. Мая в Петрограде, учился на ФОН Петроградского университета. С декабря 1920-го по ноябрь 1922 г. – в РККА на нестроевых должностях. После демобилизации работал заведующим отделением в налоговом управлении НКФ СССР; с августа 1924 г. – в Промбанке, заведующим информационной частью и консультантом, с октября 1928 г. – старшим экономистом, позже – старшим инспектором кредитно-планового отдела Цкомбанка. Арестован 30 ноября 1930 г. Виновным себя признал частично. Осужден на пять лет лишения свободы. Направлен в Соловецкий лагерь ОГПУ. Согласно воспоминаниям Л. В. Успенского, в заключении работал экономистом на строительстве Беломорканала и канала Москва–Волга, умер во время инспекционной поездки на одну из среднеазиатских ГЭС в 1950 г. Реабилитирован 3 октября 1957 года.